



ПЕРИОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
О ГРАЖДАНСКИХ ПРАВАХ

ГРАЖДАНИН ПРАВО

Индекс 79800

✓
Применение норм
международного права
судами общей юрисдикции

✓
Право на возмещение
экологического вреда

✓
Новое в законодательстве
об устройстве детей, оставшихся
без попечения родителей

6' 2010

ЖУРНАЛ О ГРАЖДАНСКИХ ПРАВАХ ГРАЖДАН И ПРАВ

Издатель:
ООО «НОВАЯ ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА»
Издаётся с июля 2000 года
№ 6(89) * июнь * 2010
Учредитель: ООО «НОВАЯ ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА»
Издание подготовлено
при участии членов общественного объединения
«Граждане за законность»
Свидетельство о регистрации
ПИ № 77-1326 от 10 декабря 1999 г.



Журнал удостоен знака отличия
«Золотой фонд прессы»

В НОМЕРЕ

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

В.В. Сорокин
Проблемы толкования права
в современном гражданском обществе 3

СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Ю.В. Мишиев
Судебный федерализм: сущность и влияние
на организацию правоохранительной деятельности 9
С.В. Калашников
Применение норм международного права
судами общей юрисдикции 16

НАЛОГИ И СБОРЫ

О.А. Краснопёрова
Упрощенная система налогообложения:
плюсы, минусы, проблемы применения 28

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Д.С. Велиева
Право на возмещение экологического вреда 40

СЕМЕЙНЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ

С.П. Гришаев
Новое в законодательстве об устройстве детей,
оставшихся без попечения родителей 48

ОБРАЗОВАНИЕ: РЕФОРМА И ОПЫТ

Д.В. Корф
Организация и правовое регулирование
школьного образования: опыт США 53

ТРУДОВЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ

О.М. Крапивин, В.И. Власов
Расследование и учет профессиональных заболеваний 62

Генеральный директор
ООО «НОВАЯ
ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА»

КАРПОВИЧ
Владимир
Дмитриевич

Главный редактор

СЕРЁГИН
Николай
Сергеевич

Редакционный совет

В. ГРЕБЕННИКОВ

В. КАРПОВИЧ

Н. КЛЁН

П. ЛАХНО

С. МОГИЛЕВСКИЙ

Г. ИВЛИЕВ

Б. ТАНГИЕВ

СУДЕБНО-АРБИТРАЖНАЯ ПРАКТИКА

О.И. Долгополов

Обжалование нормативных правовых актов
в административном порядке 70

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ СОБСТВЕННОСТИ

Ё.Х. Ёров

Развитие уголовно-правовой практики
противодействия мошенничеству 73

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

К.В. Черкасов

Государственное управление:
концепции современного понимания 80

Е.В. Скурко

Подходы к контролю за распространением табака 86

РЕЦЕНЗИЯ

И.В. Левакин, Н.С. Серёгин

Некоторые размышления в связи с выходом
учебника по конституционному праву РФ 93

ВНИМАНИЕ!

Информацию о журнале «Гражданин и право»
Вы найдете на нашем сайте: <http://www.grajdaninipravo.ru>
e-mail: gip-npk@mail.ru

*Присланные в редакцию материалы не рецензируются и не возвращаются.
Редакция ведет рубрику «Отвечаем на вопросы читателей» по наиболее
актуальным и злободневным темам, не вступая в переписку с читателями.
Точка зрения авторов публикаций не всегда совпадает
с точкой зрения редакции.*

*При использовании опубликованных материалов журнала
«Гражданин и право» ссылка на него обязательна.*

*Полное или частичное воспроизведение, в том числе электронными СМИ,
а также размножение каким-либо способом материалов, опубликованных
в настоящем издании, допускаются только с письменного разрешения
редакции журнала.*

**Адрес редакции: 119602, Москва, Мичуринский пр-т,
Олимпийская деревня, д. 16, оф. 3
ООО «НОВАЯ ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА». Тел./факс: 8 (495) 437-7949**

Подписано к печати 25.5.2010 г.
Формат 70х108 1/16. Офсетная печать. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

© «НОВАЯ ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА», 2010

Редакционная коллегия

В. КАРПОВИЧ

Н. СЕРЁГИН

Л. БАРАНИЧЕНКО

И. ШВАРЦЕР

Б. ТАНГИЕВ

Компьютерная верстка

А. КРАСНОВСКАЯ

Е. КАМЕННАЯ

Художественный

редактор

Е. ГРИБОВ

Секретарь редакции

И. КЛОЧКОВА

Проблемы толкования права в современном гражданском обществе

В.В. Сорокин,

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права

Алтайского государственного университета (г. Барнаул)

Правотворчество и правореализация нуждаются в ценностной стратегии. Юридический позитивизм не может претендовать на собственную аксиологию. Главными первичными элементами системы права должны полагаться не нормы, безусловно воспроизводящие единую логическую структуру, а духовно-нравственные (они же собственно правовые) принципы, ценности, идеалы. Особенное значение приобретают интерпретационные правовые акты юридического опосредования прав и обязанностей человека, призванные синхронизировать национально-культурную идентичность народов с нравственно-физической безопасностью индивидов.

Субъекты толкования права, вкусившие плодов постмодернизма, объявляют поиски смысла правовых норм архаичным занятием и, уподобляясь античным софистам, демонстрируют способность отыскивать противоположные смыслы в любом юридическом тексте. Наблюдается атомизация права, т.е. образование множества «гибких сетей языковых игр». О.А. Пучков не усматривает в этом ничего деструктивного. «В результате операции сопоставления знаков текста права и конкретной деятельности, а также благодаря применению логических операций умозаключения и выводов привычные знаки, выражающие текст права, наделяются новыми объяснительными функциями, новыми значениями, — пишет он. — Если говорить максимально упрощенно, правовые нормы получают новую антропологическую интерпретацию вследствие новых потребностей в новой деятельности, основанной на гуманистических принципах. Так рождается новое юридико-антропологическое знание, выражаемое в суждениях и знаках»¹. Выходит, что ради неопределенных гуманистических принципов можно бесконечно манипулировать смыслом права.

Другая примета толкования современного права — аноμία права — это снятие любых нравственных вопросов и всеобщее отсутствие регулирующей функции нравственного сознания при толковании и применении права. Субъектам права на протяжении длительного времени внушается установка на толкование юридических положений с позиций эгоцентризма. Целые поколения людей уже удалось «перепро-

¹ Пучков О.А. Антропологическое постижение права. Екатеринбург, 1999. С. 355.

граммировать» соответствующим образом, вызвав общую деградацию. Это, в свою очередь, облегчает глобализаторам задачу манипулирования человечеством. При игнорировании духовно-нравственных оснований права юрист-интерпретатор способен легко манипулировать правосознанием участников юридического процесса. Интерпретация закона нередко парализует нравственность в пользу изолированных и за счет неискушенных. Если же в основании поведения индивида лежит нравственное чувство, никакие лукавые интерпретации его перед самим собой не оправдают.

Истина в праве стала восприниматься в качестве перманентно меняющейся стихии, а потому не существующей, а становящейся. Истину сейчас воспринимают средством, а не целью юридического процесса. Не признавая никакие абсолюты нравственности в правовой сфере, глобалисты породили сплошную относительность. Достаточно мошеннику заявить, что совершенное им деяние есть результат его оригинальной личной точки зрения, как это уже дает юридические основания для смягчения уголовной репрессии. Юристы вооружились методологией, которая, по существу, выступает как способ противостояния правопорядку.

Отправной точкой для глобалистской концепции толкования права послужило утверждение о том, что познание объективной правовой реальности осуществляется путем ее субъективного представления. Но поскольку каждый субъект толкования права обладает собственным субъективным представлением, отражающим его установки, мировоззрение, ценности, то и результатов толкования норм права может быть столько же, сколько людей. Более того, даже высказанная

в процессе толкования права мысль получает, в свою очередь, такое количество смысловых наполнений и трактовок, сколько людей ознакомилось с ней, ведь, цитирую: «Знание не является лишь продуктом деятельности сообразно сложившимся идеалам истины, но включает в себя многообразие практического отношения к жизни»².

Глобализм муссирует многозначность в юриспруденции, т.е. разнообразие смыслов и содержаний. Такая многозначность не оправдывается обстоятельствами объективного порядка. Многозначность права нужна глобализаторам мира для того, чтобы поддерживать и обострять проблему интерпретации (толкования) права, так как вследствие многозначности в любые нормы и принципы можно вкладывать различный смысл, до поры до времени не уточняя его. А затем действовать по ситуации, руководствуясь соображениями выгоды. Известное понятие лицемерия производно от многозначности.

С началом глобализации юриспруденция, базирующаяся на систематически формализованном понятийном аппарате логики с ее строгими законами взаимоотношений посылок и следствий, должна уступить место глобальной юридической системе, воспринимающей мир как хаос, лишенный не только причинно-следственных связей, но и ценностных ориентиров. Юриспруденция обслуживает мир, основными характеристиками которого являются децентрализация, фрагментация, плюрализм, эклектика, множественность, неопределенность, прерывность, изменчивость и т.п. Для философии постмодернизма на первый план выходит не мировоззрение, а мироощущение, т.е. рациональность и чувственность меняются местами: ло-

² Пружинин Б.И. Историзация методологической рефлексии науки и методологии // Гносеология в системе философского мировоззрения. М., 1983. С. 172.

гически оформленная парадигма уступает место эмоциональным реакциям. Постмодернисты в качестве боевого отряда глобализма считают и невозможным, и бесполезным пытаться установить какой-либо иерархический порядок или какие-либо системы приоритетов в жизни³. Если они и допускают существование модели мира, то модели, основанной лишь на энтропии, на равновероятности и равноценности добра и зла, всех конститутивных элементов.

Получается, что в рамках постмодернистской методологии все попытки адекватного толкования норм права разбиваются о невозможность найти ракурс их рассмотрения. Современная юриспруденция не желает воспринимать абсолюты нравственности, которые к тому же имеют духовную связь с религией и традициями народа. Освобождаясь от духовно-нравственных абсолютов милосердия, добра, справедливости и т.п., субъекты толкования права выдают за право и истину компромисс корыстных интересов.

Здесь имеет смысл вспомнить высказывание Ф. Ницше о том, что «толкование чего-либо является симптомом определенных физиологических состояний». То есть не стремление к адекватности видения, а «наши потребности — вот что истолковывает мир; наши влечения и их “за” и “против”⁴. В результате подобного толкования права субъект находит идею свободы человека в виде иррациональной стихии первичных животных инстинктов.

Глобализация мира предполагает войны смыслов. В них при помощи специально спланированных операций трансформируется и перекодируется шкала ценностей атакуемой правовой культуры, меняется ее смысл.

Глобализаторы выбирают самые опасные для своей идеологии правовые культуры мира, выявляют их основные духовно-культурные ценности, а затем искажают и разрушают их. И наконец, вживляют на их место ценности, неорганичные для противостоящей стороны. По существу, толкование права активно используется глобализаторами для придания юридической силы собственной программе поведения. Отсюда неадекватное знание о праве влечет неадекватную интерпретацию правовых норм. Поскольку каждому субъекту толкования права ныне разрешается иметь собственную мораль, не стоит удивляться возрастанию количества несправедливых юридических решений.

Уже к концу XX в. в правосознании юристов всего мира преобладали два взгляда, несовместимость которых практически не осознается: релятивизм, нигилизм и культурное отчаяние, с одной стороны, и вера в человеческий прогресс — с другой. Несовместимость этих двух идей абсолютна, потому что невозможен прогресс без цели. Если не существует никаких трансцендентных ценностей, то все цели относительны и произвольны. В процессе толкования права данная проблема приобретает решающее значение.

Субъекты толкования права, удалившись от веры, духовного опыта и Божественных заповедей, стали комментаторами предыдущих комментаторов. Каким образом у нас принято толковать право? Читая текст юридического документа, отечественный юрист имеет в виду цели акта согласно преамбуле (телеологический способ толкования), обстановку его принятия и действия (исторический и функциональный способы толкования), прави-

³ См.: *Bauman Z. Life in Fragments: Essays in Postmodern Morality.* Oxford, 1995; *Вельш В.* Постмодернизм: генеалогия и значение одного спорного понятия // *Путь.* 1992. № 1. С. 113–182; *Терещенко Н.А., Шатунова Т.М.* Постмодерн как ситуация философствования. СПб, 2003.

⁴ *Ницше Ф.* Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей. М., 2001. С. 224.

ла русского языка (грамматический способ толкования) и приемы формальной логики (логический способ толкования). Даже если российский юрист использовал все указанные способы толкования права, до высоты духа права (уяснения смысла правового положения) он не поднимется, потому что все предлагаемые современной юриспруденцией способы толкования носят формальный характер. А при формально-поверхностном подходе и взгляд на предмет оказывается неглубоким. Торжество формализма в юриспруденции программируется уже самим инструментарием современного юриста.

В итоге получается, что смысл толкуемого нормативно-правового акта есть не что иное, как фикция, опирающаяся на манипуляцию смыслами отдельных его фрагментов. Цель толкования права — уяснение смысла правовых положений — оказывается недостигнутой и при нынешних подходах к толкованию права недостижимой. И как вообще возможно искать дух права, игнорируя духовно-нравственные абсолюты, не различая духовных оснований права?

Субъект толкования права в отдельные десятилетия советского периода должен был пользоваться ко всему прочему еще и классовым правосознанием на основе коммунистической идеологии и чутя к классовым врагам. А вот до 1917 г. толкование права представляло собой более сложный и глубокий процесс. Немалая часть успешных российских юристов дореволюционного периода были людьми религиозными, верующими в Бога, воцерковленными. Этим обуславливалась постоянная духовная работа над собой, предполагающая фиксирование неприглядных поступков, подготовку к исповеди, регулярное принятие церковных таинств и почти непрерывный совестный про-

цесс. В этом случае идеалы любви, добра и красоты принимают в правосознании юриста абсолютный характер, а апелляция к справедливости, милосердию и ответственности далеко не формальна.

Можно признать, что в атеистической советской и постсоветской России юристы разучились толковать право. Произошло это потому, что, лишившись общения с Богом и его продолжением на земле — Церковью, юристы утратили навык «различения духов», и дух права для них стал неразличим и непонятен. Осуществляя в декларациях поиск смысла (т.е. духа права), юристы одну букву трактуют при помощи другой буквы — отсюда торжество юридического формализма. Выходит, что правовой нигилизм начинается с юридического сообщества. Подменяя дух права буквой в процессе толкования норм, юристы дезориентируют общество относительно сути и содержания права.

Преподаватели юридических факультетов знают, что самым сложным и запутанным вопросом на выпускных экзаменах для студентов-юристов оказывается вопрос о правопонимании. Основная масса выпускников отвечает, что право представляет собой систему общеобязательных норм, обеспеченных государственным принуждением, а многие, разбираясь в отраслевых правовых институтах, просто затрудняются определить, что есть право. И с таким правосознанием юрист вступает в юридическую практику — знание буквы закона есть, понимания духа права нет. В этом случае нет и предмета для толкования права, ибо предметом толкования выступает не воля законодателя и уж тем более не юридический текст, а дух права, требующий установления истины применительно к конкретной ситуации правового спора.

Основу правосознания людей русской культуры традиционно составля-

ют понятия не политические, а нравственные, когда те или иные события оцениваются прежде всего с точки зрения их справедливости. Одной апелляцией к морали проблему не решишь. Общность нравственных критериев не гарантирует единства их толкования.

В российской традиции было принято постигать дух права глубиной религиозного нравственного чувства, приступая ко всякому спорному делу со страхом Божиим и совестью. Результаты толкования права в этом случае оказываются несравнимо более полноценными, адекватными истине. А под истиной православные христиане понимают любовь, обращенную к Богу и людям. «И один из них, законник, искушая Его, спросил, говоря: Учитель! какая наибольшая заповедь в законе? Иисус сказал ему: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Мф. 22: 35–40). «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что очищаете внешность чаши и блюда, между тем как внутри они полны хищения и неправды» (Мф. 23: 25). «...какою мерою мерите, такою и вам будут мерить» (Мф. 7: 2). «Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки» (Мф. 7: 12). Вот чистый источник для бесстрастного толкования права. Другого, равного ему по своей чистоте, нет.

За столетия «Возрождения», «Просвещения», «Прогресса» глобализаторам мира удалось помрачить сознание человечества. Теперь информационная монополия глобализма позволяет установить неприкрытую монополию глобализаторов на толкование юридических норм, моральности

и социальной оправданности любых действий.

Весьма показательна в условиях глобализации тенденция усиления судебного права. Еще большевики, стремившиеся в октябре 1917 г. поскорее узаконить свою победу, один из первых декретов советской власти посвятили суду. Они понимали, что через судопроизводство смогут быстро юридически оформить основы своего режима снизу доверху. Ведь, доводя роль судебных актов до положения закона, добиваются не просто независимости судебной власти — добиваются ослабления власти законодательной. За рекламой в юридической и иной литературе судебной практики и судебных прецедентов скрывается нетерпение глобализаторов поскорее оформить по всему миру удобный им юридический режим. Для гарантий лояльности судей предусмотрены значительные источники материального обеспечения судебного корпуса и формирование закрытой корпорации судей, формально независимой, а фактически равняющей «на старшего». За короткий срок готовая к социальной мимикрии судейская каста способна сразу и во всех населенных пунктах страны осуществить формирование нового типа правоотношений, а значит — нового мирового порядка.

В ходе глобализации культивируются ложные ценностные установки, на основании которых выстраиваются ложные интерпретации отношений. Ложные установки, будучи конкретными по своему содержанию, направляются нечистым в том или ином отношении общественно-политическим строем. Например, общий личностный субъективизм в нравственно-правовой сфере ныне раскрывается через эгоизм. Эгоистическое устройство обычно выражается в поиске максимально возможного удовольствия. В этом отношении социальная ситуация без-

Вышли из печати

Колоколов Н.А.

Адвокат в уголовном процессе.

М., 2010. 375 с.

Румянцев Н.В.

Административная ответственность.

М., 2010. 223 с.

Волков В.В.

Административный процесс.

М., 2010. 128 с.

Богданова Е.Е.

Добросовестность и право на защиту в договорных отношениях.

М., 2010. 159 с.

Григорьев О.В.

Военно-судебные реформы России (середина XVI — конец XX в.)

М., 2010. 215 с.

Рассолов М.М.

Актуальные проблемы теории государства и права.

М., 2010. 447 с.

Габбов А.В.

Общества с ограниченной ответственностью и дополнительной ответственностью в Российском законодательстве.

М., 2010. 253 с.

Правовое регулирование конкуренции и монополии в Российской Федерации:

Курс лекций / Под ред.

С.В. Запольского.

М., 2010. 414 с.

выходная, потому что человеческая жизнь включает в себя поле неизбежных столкновений далеко не всегда оправданных интересов. «Вся внешняя политика Англии, — пишет Г. Бутми, — представляет ряд вопиющих нарушений международного права, что не мешает, однако, той же Англии в большинстве случаев являться авторитетной толковательницей означенного права»⁵.

На первом этапе глобализации верховенство государства в сфере толкования права ставится под сомнение. При плюрализме правопонимания необоснованно увеличивается круг субъектов официального толкования права. Наблюдается перепроизводство доктринального толкования права — значительными тиражами издаются противоречащие друг другу комментарии к законодательству. В правовое поле вносятся псевдоценности для конкуренции с нравственными абсолютами.

На этапе регулируемого хаоса выхолащивается сам предмет толкования права — право в собственном значении слова. Беспринципность субъектов толкования права наблюдается на всех уровнях. Допускается конкуренция актов толкования права с нормативно-правовыми актами.

На заключительном этапе глобализации мира монополии на толкование общеобязательных нормативов получит узкий круг жрецов нового мирового порядка, которые станут обслуживать цензуру и диктат псевдоценностей в рамках монистического подхода. Сфера толкования норм чрезвычайно сократится. Толкованию будет подлежать воля мирового диктатора в очень ограниченных пределах и со страхом перед репрессиями. ✧

⁵ Бутми Г.В. Кабала или свобода. М., 2005. С. 147–148.

Судебный федерализм: сущность и влияние на организацию правоохранительной деятельности

Ю.В. Мишиев,

аспирант Российской академии адвокатуры и нотариата

В последнее время в юридической литературе уделяется значительное внимание проблемам совершенствования правоохранительной деятельности, оптимизации работы правоохранительной системы, в которой, как отмечено в Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 12 ноября 2009 г., «далеко не все благополучно»¹.

Особую актуальность приобрели вопросы развития правоохранительной системы в условиях федеративного государства и реализации властных полномочий субъектов Российской Федерации в сфере создания такой разновидности правоохранительных органов, как суды субъектов Российской Федерации². В отличие от ранее действовавшей централизованной одноуровневой системы судебной власти в России современная российская модель организации судебных органов предусматривает возможность создания судов двух уровней — федеральных судов и судов субъектов Российской Федерации³. К судам субъектов Российской Федерации относятся: конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации и мировые судьи — судьи общей юрисдикции субъектов Российской Федерации.

Эти суды, как и любые другие правоохранительные органы федеративного государства, должны способствовать становлению таких федеративных отношений в России, которые имели бы своей целью укрепление единства территориальных образований в Российском государстве в сочетании с развитием самостоятельности субъектов Федерации⁴.

«Без реализации принципа самостоятельности субъектов федерации, — справедливо отмечают исследователи, — нет и самой федерации. Именно высокий уровень самостоятельности территориальных единиц отличает федерацию от унитарного государства. При этом

¹ Послание Президента Российской Федерации Дмитрия Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета. 2009. 13 ноября.

² См.: Буранов З.М. Институционализация судебной власти в субъектах Российской Федерации (на примере Кабардино-Балкарской Республики) // Мировой судья. 2008. № 9, 10.

³ См.: Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 5 апреля 2005 г.) «О судебной системе Российской Федерации» // Российская газета. 1997. 6 января.

⁴ См.: Калининцева А.С. Симметричная и асимметричная модели федеративных отношений // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 14. С. 22–24.